

К.Н. Григорян

Противоречивость характера Печорина

<...> Печорин как характер, личность резко противостоит людям умеренно-практического миросозерцания, которым все ясно в мире, а если что-то и неясно, то они не станут ломать голову над сложностями и противоречиями жизни. Это — люди с рассудительно-трезвым взглядом на человеческое существование. Они легко приспосабливаются «по обстоятельствам» к внешней среде, выбирая более удобные с точки зрения личной выгоды и благополучия линию поведения и формы общения с окружающими. Они, как правило, уверенно и спокойно совершают свой жизненный путь. Иными словами, они носители мещанской идеологии, обыкновенные обыватели.

Известно, что, чем ограниченнее человек, тем меньше он способен понять других, тем суровее он судит о слабостях других. Именно такой человек обычно выступает в роли моралиста, сурового блюстителя нравственности. Речь идет о носителях идеологии «толпы», «светской черни», психологии обывателя, который тешит себя мыслью, что он лучше и выше других. Ап. Григорьев, отмечая чисто внешнее, напускное, «миражное» в Печорине, писал: «...основы же его характера трагичны, пожалуй, страшны, но никак уже не смешны».

Люди печоринского типа непонятны бодрячку-обывателю с его дешевым оптимизмом, с его ограниченным, жалким кругом духовных интересов. Печорин кажется «странным» и непонятным всем тем, кому не знакомы ни «муки сомнения», ни «духовная жажда», ни «жадная тоска». Он тем уже неприятнее самодовольной «толпе», что она видит в нем угрозу своему мещанскому благополучию.

Печорин — не жестокий себялюбец, не самовлюбленный эгоцентрик, а мыслящая и страдающая личность, которой свойственны напряженная духовная жизнь, внутренняя борьба, муки сомнения, которых, по словам Белинского, «совершенно чужды только натуры мелкие, ничтожные, сухие и мертвые».

Лермонтов принес в литературу новый тип мечтателя, с активным, аналитическим, «озлобленным» умом, у которого мечтание не «сладостное», а преимущественно «горестное», «скорбное». Он существенно отличается от спокойно-созерцательного мечтателя Жуковского, например, хотя созерцательность и не чужда его натуре.

Печорин говорит о себе: «Я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мое беспокойное и жадное воображение».

Здесь запечатлены два состояния, одинаково свойственные внутреннему миру героя лермонтовского романа. Одно отражает момент столкновения мечты с реальной действительностью, другое — порывы к «высшему миру».

Несмотря на скептицизм Печорина, несмотря на то что он не раз трагически переживал разочарования, «леденящее душу неверие в жизнь и во всевозможные отношения, связи и чувства человеческие», все же он не переставал верить, мечтать. Иначе невозможно понять Печорина, его отношение к Бэле, княжне Мери, Вере, наконец, его «приключения» в «Тамани» с контрабандисткой.

Печорин не мог довольствоваться пассивным состоянием скорбного уныния. Разочарование не убивало в нем волю. Где-то в глубине души всегда теплилась надежда. Печорин говорит о себе в исповеди: «...воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало...»

В минуту откровенности Печорин признается, что все ему наскучило, опротивело, что он потерял веру даже в науку, знания. «Я видел, — говорит Печорин, — что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди — невежды,

а слава — удача, и, чтоб добиться ее, надо только быть ловким». Лермонтовский герой с его идеалом свободы не желает покорно склонить голову перед «жестоким роком», обстоятельствами, перед грубой силой. Он протестует, бунтует.

Общение с людьми принесло Печорину лишь раздражение, разочарование, страдание. Он потерял надежду быть понятым окружающими. Отсюда уход в себя, замкнутость. Отсюда глухая стена между ним и средой. Отсюда же гнетущее чувство одиночества и душевной пустоты. В то же время Печорину чужда пошлая и унылая мизантропия, мелочное самокопание. Он слишком значителен для самолюбования. В нем не только гордое чувство своего превосходства над другими, играющее роль защитного средства от самодовольной «толпы», но и потребность возвышения над самим собой, критической оценки собственных поступков.

Сила Печорина, значительность и величие его как психологического типа заключается в редком даре острым духовным оком проникнуть в заповедные тайники собственного внутреннего мира, в его темные лабиринты. «В нем неумолчно раздаются внутренние вопросы, — пишет Белинский о Печорине, — тревожат его, мучат, и он в рефлексии ищет их разрешения: подсматривает каждое движение своего сердца, рассматривает каждую мысль свою. Он сделал из себя самый любопытный предмет своих наблюдений...»

Самопознание помогает Печорину познать других. Он — тонкий психолог, способный разбирать не только свои, но и чужие чувства, мысли, поступки. Его склонность к рефлексии проистекает не из любви к страданию; «двойственность», «дуализм духа» — не природное свойство его характера. Он впадает в противоречия не из-за желания мучить себя полемикой с самим собой. «В самом деле, — писал Белинский о Печорине, — в нем два человека: первый действует, второй смотрит на действия первого и рассуждает о них или, лучше сказать, осуждает их, потому что они действительно достойны осуждения. Причины этого раздвоения, этой ссоры с самим собою очень глубоки, и в них же заключается противоречие между глубиной натуры и жалкостью действия одного и того же человека».

Белинского занимал вопрос: чем вызвана «жалкость действий» такой умной, высокоодаренной личности? Нельзя при этом не заметить многозначительный скрытый смысл в словах критика о причинах «раздвоения» личности Печорина, которые «очень глубоки». В этих словах явный намек на то, что их следует искать в недугах времени, в исторической действительности. Белинский прекрасно понимал, что вопросы, которые занимают Печорина, не являются порождением праздной или больной фантазии, что они возникают перед ним каждодневно при столкновении с реальностью. Печорин бьется над тем, чтобы понять себя, понять смысл человеческого существования, уяснить свое отношение к среде. Он враждует со средой не потому, что ненавидит людей, а только потому, что горячо любит человечество. Его нравственное чувство протестует каждый раз, когда он видит ложь, лицемерие, насилие. Он страдает в поисках таких форм жизни, при которых нашли бы выход и разумное применение ключом бьющие в нем необъятные силы.

Сложность понимания образа Печорина состоит еще и в том, что многое в нем остается скрытым. Причин для этого немало. Они прежде всего в особенностях личности автора романа.

И при чтении «Героя нашего времени» создается впечатление, будто Печорин не желает до конца объясниться, раскрыть себя. Даже в минуты откровенности в его исповеди чувствуется нежелание высказать свои нравственные страдания. Где-то в глубине сознания его героя живет недоверие, боязнь быть непонятым.

Под корой черствости, порожденной ожесточением и скептицизмом, скрывается человек, по натуре тонко чувствующий, деликатный. Печорин никогда не пытается оправдать себя, даже тогда, когда для этого есть объективные основания. Он нередко, как писал Белинский, «клеветает на самого себя».

Не следует так доверчиво относиться к тому, что порой говорит Печорин, хотя в нем нет ни прозы, ни фальши, «нет фраз, и каждое слово искренно». И его признаниям далеко не всегда можно верить. Эти самообличения — свойство глубокой природы. Они вызваны требовательностью к себе, внутренней честностью человека, который привык смотреть «действительности прямо в глаза».

Печорин далеко не такой, каким кажется окружающим, даже самому себе. «...Этому человеку, — писал Белинский, — нечего бояться: в нем есть тайное сознание, что он не то, чем самому себе кажется и что он есть только в настоящую минуту».